

значив ему две тысячи пенсии. Поговаривали, что епископ Санси в Сен-Мало работает над историей и над Записками Кардинала, но они так и не появились. Когда этот дворянин из Сен-Мало был послан в Османской Порте, его секретарю, по имени Мартен, удалось устроить побег из Семьбашенной Цитадели знатным полякам и некоей даме, которая обещала выйти за него замуж. Мартен спасся вместе с ними. Санси получил за это сто ударов палкой по пяткам. В ту пору он еще епископом не был.

После смерти Кардинала нашли то, что впоследствии было названо его «Дневником».⁵⁶ «Дневник» этот был опубликован. Из него видно, что многие из тех, кого Кардинал считал своими врагами, давали ему советы против своих же друзей.

Касательно Академии, которую Сен-Жермен назвал довольно колко «Псафоновым птичником»,⁵⁷ я не могу ничего добавить к тому, что сказал г-н Пелиссон в составленной им «Истории». Скажу только, что Кардинал бывал в восторге всякий раз, когда ему присылали решение какого-либо трудного вопроса. Он благодарил за это академиков и просил присылать ему такие решения почаще. Но разве его скупость при этом не была смехотворной? Ежели бы он назначил вознаграждение для Вожла, на которое тот мог бы безбедно существовать,* не занимаясь ничем, кроме Словаря, этот Словарь был бы составлен, ибо потом можно было бы ограничиться назначением членов комиссии, которые просмотрели бы вместе с ним каждую букву. Пришлось бы, разумеется, оплачивать и членов комиссии; но разве Кардиналу это что-нибудь стоило бы? Разве он платил людям из собственных средств? Это пришло бы Франции польза и почет. Кардинал не подумал о том, чтобы построить здание для этой несчастной Академии.

Он был надок до похвалы. Меня уверяли, что во вступительном послании к некоей книге, которую ему посвятили, он вычеркнул слово «герой» и поставил «полюбог».

Некий полоумный, по имени Лапер, додумался до того, что поместил на титульном листе одной из своих книг большое солнце, в центре коего был изображен Кардинал. От солнца отходили сорок лучей, на конце которых были начертаны имена сорока академиков. Канцлеру Сегье, как самому сведущему, достался прямой луч. Второй прямой луч, кажется, был отдан г-ну Сервьеу, в ту пору Государственному секретарю; за ним шел Ботрю и прочие — «по мере своих заслуг», пользуясь словами суперинтенданта де Ла-Вьельи. Лапер поместил туда Шерель-Ботрю вместо комиссара Абера, хотя Шерель-Ботрю вовсе не был академиком. Последний был родом из Оверни и сочинял мелкие трактаты по хронологии.

* Он восстановил пенсию Вожла, равную тысяче двумстам экю; но Вожла так ничего и не получил.